

Б. С. Ляпустин

ЖЕНЩИНЫ В ТКАЦКОМ РЕМЕСЛЕ: ПРОИЗВОДСТВО И МОРАЛЬ

В древнеримском рабовладельческом обществе отношение как к ремесленному производству, так и к самим ремесленникам было негативным, их занятие рассматривалось как непрестижное, презренное, несовместимое с нормами традиционной морали древних римлян. Считалось, что ремесленники мало чем отличаются от рабов и по внешнему виду, и по поведению, и по образу мыслей. Их занятие рассматривалось как недостойное свободного человека, так как оно считалось несовместимым с благородством, высокими духовными качествами, моральной чистотой (Lucian., Somn. 9; Cic., De off. I, 150). Однако распространять эти моральные оценки в римском обществе на все виды ремесленной деятельности вообще было бы слишком прямолинейно и неверно. Трудовой процесс, умение обращаться с инструментами сами по себе еще не вызвали негативного отношения в обществе. В особенности это относилось к ткацкому ремеслу.

В свадебной процессии за невестой обязательно несли веретено и прялку (*colus* и *fuscus*). Да и в мифологическом сюжете у Овидия (*Met.* VI, 17) с почтением говорится о шерстоткацком ремесле, в котором богиня Афина слыла мастерицей, а Арахна снискала уважение и известность высоким искусством прядения и ткачества (*clara arte*). Но наиболее показательны в этом отношении эпитафии, где с особой гордостью упоминается об умении женщины прясть и ткать. Данная ситуация с прядением и ткачеством не является чем-то феноменальным. Напротив, ткацкое ремесло, его оценка в римском обществе позволяют выявить общие тенденции в формировании той моральной атмосферы, которая складывалась вокруг тех или иных ремесел.

Морально-этические нормы и взгляды в обществе, хотя в значительной мере и традиционны, тем не менее тоже подвержены эволюционным изменениям в ходе исторического развития. Эти изменения рано или поздно следовали за изменениями в производстве. Поэтому целесообразно и интересно рассмотреть производство не только как процесс создания материальных ценностей, но и как фактор, влияющий на формирование моральных оценок в обществе. Так, шерстоткачество, будучи одним из основных занятий в древнем Риме, прошло значительный путь развития, и полнее, чем многие иные ремесла, отражено в различных типах источников.

С другой стороны, ремесленное производство нельзя рассматривать изолированно от общественной структуры, вне связи с семьей, которая была хозяйственной единицей общества¹. Соотношение же ремесленного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 78.

производства внутри и вне фамилии, основной ячейки древнеримского общества, мы можем проследить наиболее полно опять-таки на шерстоткацком ремесле. Производство и быт через множество прямых и косвенных связей неразрывно и постоянно взаимодействуют между собой. Поэтому моральный климат, окружающий работников, участвовавших в шерстоткацком ремесле, имеет смысл проследить через призму производственных отношений, которые пронизывали жизнь фамилии в древнем Риме. Это в свою очередь поможет наметить происшедшие в I в. н. э. изменения в системе ценностных ориентаций, переносившихся и на занятых в шерстоткацком ремесле женщин.

Фамилия в древнем Риме была сложным организмом, члены которого различались по роду занятий, объектам трудовой деятельности, формам времяпрепровождения и, конечно же, по нормам поведения. Такое разделение касалось в первую очередь всего места и роли мужчины и женщины: прежде всего — *pater familias* и *mater familias*. Оно ясно сформулировано Колумеллой: «Домашний труд был уделом матроны, потому что отцы семейств возвращались к домашним пенатам от общественной деятельности, отложив все заботы, будто для отдыха» (Col., XII, praef.).

На матроне в фамилии лежал ряд обязанностей и функций, от тщательности и умения выполнения которых и зависел у древних ее моральный облик. Как правило, источники, касаясь положения матроны в доме, изображают ее бережливой хозяйкой, покорной женой и — что для нас особенно сейчас важно — мастерицей, постоянно занятой традиционно женскими видами домашнего ремесла. Именно такая матрона считалась «прекрасной женщиной» (*mulier pulcherrima*. — Col., XII, praef.). Среди домашних ремесел, которыми обязана была заниматься женщина, едва ли не главное место принадлежало прядению и ткачеству. Обеспечить членов фамилии домашней одеждой, прядя самой, организовывать труд служанок и надзирать за ними было не только первойшей обязанностью хозяйки, но и той стороной ее деятельности, которая по традиции была окружена наибольшим престижем и придавала ей облик идеальной римской матроны. Веретено и прялка, которые несли за невестой, символизировали не только ее будущие занятия, но и ее моральную чистоту, скромность, верность мужу. Связь моральных достоинств женщины именно с домашним ткачеством с давних пор была укоренена в сознании римлян.

Когда в лагере всинь, ссаждавших в 509 г. до н. э. Ардею, сын Тарквиния Гордого и его друзья решили проверить, чем в их отсутствие занимаются жены, и внезапно возвратились в Рим, они, по преданию, прежде всего явились в резиденцию царя:

Стражи вокруг никакой: входят они во дворец;
Вот перед ними невестка царя — с венками на шее,
Перед вином, во хмелю ночь коротает она...
(Ovid., *Fast.* II, 738—740. Пер. Ф. Петровского)

Тарквиний Гордый в римской традиции — воплощение тирании, произвола, жестокости, олицетворенное зло и полная противоположность римско-республиканским представлениям о нравственном строе существования. Образу злодея соответствует и негативный образ женщины из его семьи. Ему противостоит в легенде образ Лукреции, чья судьба, по преданию, дала повод для изгнания царей из Рима и установления народоправства. Выйдя из дворца, Тарквиний-сын и его спутники

«После спешат к Лукреции в дом: ее видят за прялкой,
А на постели ее мягкая шерсть в коробках.
Там, при огне небольшом, свой урок выпрыдали служанки,
И поощряла рабынь голосом нежным она:

«Девушки, девушки, надо скорее послать господину
Плащ, для которого шерсть нашей прядется рукой...»

Показательно, что Тит Ливий, излагая легенду о Лукреции в другой жанрово-стилевой традиции, существенно сократив ее и переставив многие акценты, тем не менее счел необходимым сохранить тот же контраст. Тарквиний и его спутники «застают Лукрецию занятой и в позднюю ночь пряжей шерсти среди служанок, работавших при огне в одном из внутренних покоев — не то что царские невестки, которые предстали перед ними за роскошным пиром, окруженные сверстницами-подругами» (I, 57, 9). Домашнее ткачество предстает как сущностная черта добропорядочного быта фамилии, атрибут, характеризующий моральный климат, окружающий женщин фамилии. И для читателей времен Августа и Тита Ливия оно оставалось, по-видимому, наиболее внятным и точным символом идеализированного староримского семейного уклада и нравственной чистоты женщины-хозяйки.

Это распространялось и на современную им действительность. Тибулл умоляет возлюбленную оставаться ему верной, чистой (*casta*) и — проводить в его отсутствие время за прялкой, в окружении старых женщин (I, 3, 83—89). Он также описывает собрание девушек и, дабы подчеркнуть их прелесть и чистоту, рассказывает, как они прядут и ткут (II, 1, 61—69). По словам Светония, император Август, стремившийся возродить фамилию в том виде, какой она была у предков, часто ходил в одеждах, вытканых женщинами его семьи (Suet., Aug. 73). Это должно было служить своеобразным символом нравственной чистоты, царящей в доме принцепса. У Апулея, автора более позднего времени, жена декурiona, о целомудрии которой шла добрая молва (*famosa castitate*), также занималась домашней обработкой шерсти (Met. IX, 17).

Таким образом, римские поэты и историки, изображая женщин, занятых прядением и ткачеством как домашним ремеслом, рисуют их с особой симпатией и любованием. Это обусловлено тем, что такое времяпрепровождение, по представлениям древних, было залогом женской верности, чистоты и высокой нравственности, обязательным атрибутом добродетельной матроны. Такая оценка женского прядения и ткачества выросла непосредственно из реальных условий организации и функционирования домашнего производства внутри фамилии. Этот труд постоянно протекал в замкнутом кругу чисто женского коллектива, куда не было доступа постороннему мужчине. Это было продиктовано самим местом, где была организована обработка шерсти: на женской половине дома или непосредственно в спальне матроны. Кроме того, домашнее прядение и ткачество составляли определенную статью в бюджете фамилии, а женщины, изготовляя одежды и ткани, своим трудом приумножали состояние *pater familias*, что не в меньшей степени, чем перечисленные выше черты, почиталось в древнем Риме как высшая женская добродетель (Col., XII, praef.)

Однако, если ограничиться сведениями, почерпнутыми лишь у перечисленных выше авторов, то мы скорее искажем действительное положение дел с шерстоткачеством, чем воссоздадим подлинную картину, и исторические реалии ускользнут из нашего поля зрения. Археологический и эпиграфический материал позволяет воссоздать более реальную картину с шерстоткацким ремеслом в городе.

В Помпеях обнаружены многочисленные следы шерстоткацкого производства². Там найдено пять ткацких мастерских, разбросанных по го-

² Об уровне развития ткацкого производства в Помпеях см.: Moeller W. O. The Male Weavers at Pompeii. — TC, 1969, v. X, № 4, p. 561—566; *idem*. The Wool Trade of Ancient Pompeii. Leiden, 1976, p. 39—41, 77; Лянустин Б. С. Ткацкое ремесло в Помпеях в I в. н. э. — В сб.: Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 15—27; *он же*. Развитие шерстоделательного производства в Помпеях. — Там же, 1981, с. 34—48.

роду, которые легко выявляются по остаткам ткацких станков и грузил, а также по надписям, сообщающим об обработке шерсти. Однако здесь выявлены не просто дома, где велась обработка шерсти, а настоящие мастерские, в которых товарное ремесло было ориентировано на производство на заказ или на рынок, как это подтверждают многочисленные надписи, открытые в лавках и содержащие сообщения о стоимости проданных изделий, даты продажи одежды или начала ее изготовления (CIL, IV, 9108; 9109; 10664 и др.).

Помпеи издавна были центром обработки шерсти в Кампании³. Здесь функционировали многочисленные мастерские, где трудились мастера-шерстянники с узкой специализацией: ланифрикарии мыли, чистили шерсть, инфекторы ее красили, а оффекторы подновляли краски на полинявших одеждах, фуллоны изготавливали сукна, а коактилиарии — войлок. В таких условиях ткачество (правда, самым последним из ремесел), оказалось втянутым в систему товарных отношений и превратилось в одно из звеньев в цепи шерстеобрабатывающего производства. Это то новое, что коренным образом отличает ткацкое ремесло от тех форм прядения и ткачества, которые в идиллических картинах изображали поэты и историки.

Переход от домашнего производства в шерстоткацком ремесле к товарному в Помпеях привел прежде всего к изменению в составе рабочей силы. Надписи из помпейских мастерских показывают, что здесь трудились не только женщины, но и мужчины. Всего в городе в надписях из различных мастерских обнаружено 17 имен мужчин и 13 имен женщин. Греческие и латинские имена женщин и мужчин из ткацких мастерских в большинстве относятся к особенно распространенным среди рабов (*Heracla, Vitalis, Florentina, Eratus, Successus, Primigenius* и др.)⁴. Хотя современные исследователи показали, что в античности не было имен собственно и чисто рабских, однако в нашем случае совпадение «рабского колорита» в ономастике, профессионального статуса и общего облика ткачей и прях в литературных источниках сатирического характера позволяет с большой долей уверенности сказать, что в ткацких мастерских Помпеи работники, судя по надписям, были невысокого социального положения, как правило, рабы и реже — вольноотпущенники.

Наличие мужского и женского персонала в шерстоткачестве прослеживается и по литературным источникам. В комедии-тогате в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э. еще фигурировали ткачихи, занятые изготовлением одежды⁵. А у Петрония и Марциала, сатирических писателей эпохи Нерона и Флавиев, появляются ткачи-мужчины, что уже само по себе говорит о ликвидации того положения, при котором ткачество было исключительным достоянием семейного женского ремесла. Еще И. М. Гревс, используя данные романа Петрония для воссоздания исторической действительности, отмечал, что, несмотря на сатиру и гротескность в подаче образов, основные моменты жизни античного общества в романе изображены правильно⁶. Сатира, высмеивающая пороки современной авторам жизни, более адекватно, нежели другие литературные жанры, отражает те процессы, которые протекали в древнеримском обществе.

У этих авторов фигура ткача с самого начала выступает в самом непрезентабельном виде. Марциал жалуется на невыносимую манеру рим-

³ *Сергеев М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949, с. 122; *Frank T.* An Economic History of Rome. Baltimore, 1937, p. 260—262; *Rostovtzeff M. I.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. В. II. Heidelberg, 1953, S. 577 f.

⁴ CIL, IV, 1493—1509; 1570; 1571; 8370; 8381; 8384; 8258; 8259.

⁵ *Полонская К. П., Поняева Л. П.* Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984, с. 108 сл.

⁶ *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (Данные Петрония по аграрной истории I века Империи).— ЖМНП, 1905, сентябрь, с. 71—74.

ских ткачей целоваться при встречах на улице. Эти поцелуи нечистоплотных ремесленников представляются ему невыносимыми (Mart., XII, 59). Характеризуя низкое происхождение и вульгарные манеры Трималхиона, Петроний замечает, что его речь была пересыпана всеми теми словечками, которые обычно употребляют ткачи (*omnia textorum dicta* — Petr., 33), т. е. самыми низкопробными выражениями. Все эти свидетельства относятся ко второй половине I в. н. э. и позволяют, пусть очень приблизительно, датировать переход от традиционных форм домашнего ткачества к ткачеству как ремесленно-товарному производству.

Ткачество, переданное из рук женщин в руки представителей противоположного пола, с самого начала воспринималось не как разновидность этого традиционного ремесла, а как некая противоположность ранее характерной для него патриархальной атмосфере. О том, что дело обстоит именно так, что брезгливо-презрительный тон Петрония и Марциала связан с распадом былого статуса ткачества, говорят и встречающиеся в произведениях сатириков образы женщин-прях. В романе Петрония разгневанная матрона приказывает высечь незадачливого героя, а затем, дабы сделать его унижение предельно полным, велит оплевывать его самой презренной и отвратительной части фамилии, в том числе и пряхам (*omnes quasillarias, familiaeque sordidissimam partem* — Petr., 132). Ювенал мимоходом упоминает о пряхе как о «страховидной публичной девке (*horrida paelex*), сидящей на жалком чурбане» (Iuv., 2, 55). У сатириков, по сравнению с авторами, отражающими традиции патриархального быта раннего Рима, уже нет и грана уважительного отношения к женщинам, занятым обработкой шерсти.

Уже намечившееся в литературных источниках разделение труда в смешанном женско-мужском коллективе мастерских полностью подтверждается археологическими источниками. В надписях из помпейских мастерских имена женщин сопровождаются терминами *pensum, stamen, trama, subtemen* (CIL, IV, 1507), которые обозначают количество шерсти, выданное пряхам для работы, а также изготовленные нити. Ясно, что женщины были пряхами, а мужчины — ткачами.

Такое явление было характерно для ткацкого производства в первые века нашей эры и для других областей древнеримского государства. Так, в Сенте, в Центральной Галлии, вблизи Атлантического побережья, в домах было обнаружено большое количество грузил для ткацких станков, что свидетельствует о распространении обработки шерсти. Оттуда же дошло несколько рельефов II в. н. э., которые, как считает Морен⁷, происходят из какого-то общественного здания и взаимосвязаны между собой. Для нас интересны два из них. На одном изображена сцена торговли в лавке, а на другом — мужчина, сидящий за ткацким станком, и напротив него — женщина, занятая обработкой шерсти. Морен полагает, что в последнем случае перед нами изображение ткачества на уровне домашнего ремесла⁸. Однако вывод его вызывает возражение. Рельефы, несомненно, происходят из какого-то общественного здания, связанного с обработкой шерсти, но тогда непонятно, почему там изображены сцены из частной жизни. Естественнее предположить, что здесь воспроизведены не сцены домашнего ткачества, которым занимались женщины, а ремесленная мастерская, ибо появление мужчины-ткача есть верный признак товарного ремесла. Тот факт, что на другом рельефе действие происходит в лавке, подтверждает наше предположение. Только в этом случае можно понять, почему рельефы с таким сюжетом оказались в общественном здании, связанном с переработкой шерсти. Рельефы из Сента отражают наличие в провинциях товарного производства в шерстоткацком ремесле, подобного помпейскому.

⁷ Maurin L. *Saintes antique*. Lille, 1981, p. 649, not. 20.

⁸ Ibid., p. 285.

Приведенный выше и литературный, и археологический материал подтверждает, что в трудовом коллективе, занятом обработкой шерсти, в I в. н. э. произошли существенные изменения: он перестал быть чисто женским, а социальный состав женщин, причастных к обработке шерсти, существенно изменился. Да и сами владельцы известных нам ткацких мастерских в Помпеях, хотя и были людьми разного достатка, не занимали высокого общественного положения. По крайней мере, их имена не встречаются среди претендентов на муниципальные должности, и они не входили в *ordo decurionum*. Поскольку женщины, вытесненные из традиционно женской отрасли ремесла, оказались включенными в трудовой процесс товарного производства наравне с мужчинами, то на них распространились жесткие нормы выработки. Против имен женщин-пряж в надписях из мастерской дома VI, 13,9 в Помпеях стоит термин *pensum*, означающий количество шерсти, выданной для обработки. Причем против некоторых имен стоят цифры II или III, обозначающие двойную или тройную норму (CIL, IV, 1507, 8387, 10645).

Однако ошибочным было бы полагать, что в ткацком производстве было повсеместно ликвидировано прядение и ткачество на уровне домашнего ремесла, где работа шла время от времени. В Помпеях, центре переработки шерсти, в небольшом объеме ткачеством и работой с шерстью занимались в ряде домов, на что указывают надписи и археологический материал⁹. А основное производство здесь было иным: пекарное, сукновальное, торговля продуктами и т. д. Можно также привести упоминание Апулеем жены декуриона из небольшого городка, которая занималась дома прядением и ткачеством. Прядением занималась и жена бедняка¹⁰. Да и на виллах ткачество оставалось женским занятием, не перешагнувшим рамки домашнего производства¹¹. Но в целом домашнее шерсто-ткацкое ремесло отходило на второй план, а ведущим и определяющим в экономической структуре древнего Рима стало товарное производство, оказывающее влияние на все сферы жизни римского общества.

В условиях товарного производства изменилось прежде всего само место труда ремесленников. Если раньше служанки вместе с госпожой работали в глубине дома (*in medio aedium*), вдали от посторонних глаз мужчин, то теперь, попав в мужской коллектив мастерской, связанной с товарным производством, они потеряли связь с женской половиной дома. Теперь они трудились там, где было удобно разместить большую группу ткачей и пряж и где было достаточно света в течение всего дня. Чаще всего для этого отводились перистилы, как, например, в помпейских домах VI, 13,9; VII, 4,57; IX, 12, 1—2; IX, 12, 3—5¹². Владельцы других домов, где было организовано ткацкое производство, оборудовали специальные помещения для мастерских, как это можно видеть на примере Помпей и Геркуланума¹³. Такие мастерские отличались довольно значительной площадью и располагались непосредственно с одной из сторон, возле входа в дом. Вдоль стены, выходившей на улицу, тянулся ряд окон, предназначенных для освещения. Выделение специальных помещений для ремесла означало уже оформление мастерской как места производства, что в свою очередь не могло не привести к изменению отношения к трудившимся в ней работникам. Ведь в древности считалось, что «ремесленники занимаются презренным трудом, в мастерской не может быть ничего благородного» (Cic., *De off. I*, 150).

⁹ NS, 1879, p. 245; NS, 1905, p. 204; NS, 1902, p. 380; NS, 1901, p. 283; NS, 1884, p. 196; NS, 1934, p. 270; CIL, IV, 5363; 6714.

¹⁰ *Apul.*, Met. IX, 17; IX, 5.

¹¹ *Col.*, XII, 3, 6; Dig. 33, 17, 6.

¹² *Fiorelli G.* Descrizione di Pompei. Napoli, 1875, p. 226—227; *Della Corte M.* Case ed abitanti di Pompei. Napoli, 1965, p. 120, 321.

¹³ NS, 1934, p. 270; *Maiuri A.* Ercolano. I nuovi scavi. Roma, 1958, p. 426—430

У нас нет, таким образом, оснований принимать для раннеимператорской поры в качестве характеристики состояния шерстоткацкого ремесла ту картину домашнего прядения и ткачества, которая знакома нам по произведениям поэтов и историков. Как мы видели, упоминания о домашнем прядении и ткачестве у римских авторов неизменно носили назидательно-нравственный характер. И женщина, постоянно занятая прядением и ткачеством в стенах дома, выступает как своеобразный идеал, почерпнутый из прошлого, так как «древнеримская мораль всегда имела своим образцом правила и обычаи предков»¹⁴. И явления современной жизни, чтобы рассматриваться как положительные, должны были неизменно соотноситься с прошлым.

Освещение действительности, пропущенное сквозь призму моральных устоев предков, вообще свойственно древнеримской литературе. На всю жизнь древнего Рима накладывало отпечаток скрытое или явное сопоставление прошлого с настоящим. Реальная жизнь в большинстве произведений римской литературы развивается на фоне идеального представления о принципах и нормах морали, черпаемого из легенд об общине предков, и современная жизнь как бы проецируется на этот фон. Жена, независимо от ее реального поведения, сплошь и рядом по традиции считалась добродетельной матроной; если историк относится положительно к полководцу его времени, то неизменно изобразит его идущим впереди войска, самостоятельно выбирающим место для лагеря, вместе с солдатами участвующим в боях «подобно полководцу былых времен» (Тас., *Hist.* 14); поэт будет воспевать простой незатейливый дружеский обед в старинном вкусе, даже когда сам признается, что не мог бы прожить так и нескольких дней, ибо «образ жизни такой ведь довольно-таки надоедлив» (Лув., XI, 207).

Такое своеобразие античной литературы обусловлено тем, что подавляющее большинство древних авторов мыслило не столько категориями реальной жизни и быта, сколько традиционными представлениями, возникшими во времена их предков. Этот строй мыслей и чувств существовал в Риме, как во всяком подлесе, искони и обуславливал многое как в жизни, так и в литературном творчестве¹⁵. Именно эта особенность литературных источников оказала влияние на наши представления о древнеримской действительности — этот фон порой слишком прямолинейно воспринимается не как проекция из прошлого, а как воспроизведение современных авторам реалий. Поэтому в исторической литературе широко распространена точка зрения, что в I в. н. э., так же как и за несколько веков до этого, городское ткацкое ремесло целиком оставалось в руках женщин фамилии¹⁶.

Ретроспективность образа матроны, погруженной в домашнее ткачество, и прямо засвидетельствована для I в. н. э. римскими писателями той поры. Недаром Колумелла, описывая неперемное участие матроны в домашнем труде, с горечью отмечал, что все это было в прошлом, на памяти отцов. А обращаясь к современной ему действительности, сетовал, что «ныне большинство матрон настолько утопает в роскоши и безделье, что не считают даже достойным брать на себя заботу об обработке шерсти, а изготовленные дома одежды вызывают у них презрение...» (Col., XII, praef.).

Ретроспективность древнеримского мышления и самой морали не была чем-то необъяснимым, она в конечном счете базировалась на элементах прошлого в экономике. Реалии прошлого, проявлявшиеся в данном слу-

¹⁴ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 159.

¹⁵ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981, с. 126.

¹⁶ Сергеев М. Е. Простые люди древней Италии. М. — Л., 1964, с. 72; Blümner H. Die römischen Privataltertümer. B. IV. München, 1911, S. 261; Friedlaender L. Roman Life and Manners under the Early Empire. V. I. L., 1908, p. 229—230; Marquardt J. Das Privatleben der Römer. T. I—II. Lpz, 1879—1882, S. 571; Frank. Op. cit., p. 261—263.

чае в домашнем ткацком ремесле, уходя из жизни, не пропадали вообще, а лишь отступали на второй план, оставаясь питательной средой и для возрождения прошлых нравов предков, и для расширения производства на рынок, которое при неблагоприятных внешних условиях моментально свертывалось до размеров и форм организации домашнего ремесла.

Поэтому до определенной поры старинные обычаи и ретроспективно восстанавливаемые нормы, вообще все то, что называлось «нравами предков», были не только изжитой противоположностью сегодняшней действительности, но и органической составной ее частью. Лишь вместе они образовывали ту особую историческую среду, в которой реально протекала жизнь римлянина и которая характеризовалась, в частности, упадком домашнего ткачества в повседневной практике и стремлением восстановить его на уровне идеала и нормы. Уходя из жизни как производство, оно оставалось в ней как образ и как ценность.

Вдумаемся в отмеченное выше сообщение Светония о том, что Август ходил в одежде «только домашнего изготовления, сработанной сестрой, женой, дочерью или внучками». Сам факт, что биограф специально упоминает об этом обстоятельстве, указывает на исключительность домашнего ткачества в высших социальных слоях этой эпохи. Зная «реставраторские» тенденции Августа в области идеологической политики, нетрудно понять, в чем состоял пропагандистский смысл этого демонстративного жеста: патриархальные нравы, якобы царившие в его доме, и домашнее ткачество как их наглядное выражение противопоставить распущенности, свойственной домам, где одежд не ткали. Известный по тому же Светонию и другим источникам моральный облик Ливии и особенно Юлии тоже не оставляет сомнения в том, что домашнее прядение и ткачество и связанная с ними моральная поза были для семьи Августа как бы цитатой из Тита Ливия, театральным действием, призванным утвердить то, чего давно нет. Но притом этот жест ведь был на кого-то рассчитан и рассчитан с целью вызвать не комический или театральный, а жизненный, нравственный, вполне реальный эффект. В политике Августа в самых различных областях всегда ощущается тонкое и точное знание общественных взглядов и настроений. И если он на глазах у всех возрождал в своей семье домашнее ткачество, значит, он знал, что это импонирует очень многим, что не один *pater familias* хотел бы видеть женщин своей семьи за этим занятием, что домашнее ткачество, следовательно, не пустая выдумка, а то, что представляет ценность для общественного сознания, ценность, жившую до тех пор, пока жива была вся консервативная аксиология, восходившая к порядкам староримской гражданской общины. Его политика, несомненно, учитывала и сохранение в низших социальных слоях спорадически функционировавшего домашнего прядения и ткачества. Поэтому появляющиеся с середины I в. н. э. свидетельства о превращении шерстоткачества и прядения в профессиональное занятие не только говорят о самом факте перестройки его в отрасль товарного ремесленного производства¹⁷, но и иллюстрируют на конкретном материале более широкий процесс — распад обращенной в прошлое римской консервативной морали, показывают, как мучительно она изживалась.

Говоря о различных последствиях превращения прядения и ткачества в товарную отрасль ремесленного производства, следует, однако, отметить, что ткачество сосредоточивалась в частных домах, где, как, например, в мастерской I, 10,8 в Помпеях, происходило свободное перемещение ткацких станков из комнат в перистиль и обратно, т. е. внутри помещений, занятых непосредственно семьей владельца дома. Такое положение, во многом специфичное для ткачества, резко отличается от организации труда в других ремеслах, например в пекарном. Пекарни, как правило,

¹⁷ Jones A. H. M. The Cloth Industry under the Roman Empire.— EHR, 1960, v. XIII, p. 184—203; Moeller. The Male Weavers..., p. 561—566.

размещались в так называемых табернах, т.е. были обособлены от жилых помещений домов глухой стеной, а если между теми и другими был проход, то он вел только в задние хозяйственные помещения. Древнеримский дом подобной планировки не был только обиталищем одной семьи, а включал в себя, таким образом, ряд помещений, к ней отношения не имевших. Ремесленники из таких помещений-таберн были либо вообще не зависимы от владельца дома, либо их зависимость была минимальной. Это подтверждают и надписи из пекарен, свидетельствующие о том, что основной состав их работников трудился за плату и имел относительную самостоятельность (CIL, IV, 3964; 4000; 6733). В свете этих данных возможность перемещать работающих ткачей в пределах дома показывает, что ткачи и пряжи по-прежнему входили в число членов городской фамилии и подчинялись *pater familias*. Этот момент существен для понимания морального положения женщин в текстринах.

Постоянный труд совместно с мужчинами и пребывание с ними в одном помещении накладывали свой отпечаток на образ жизни пряжи и на их поведение в быту. Спальни их, расположенные на верхнем этаже или вокруг перистилия, соседствовали со спальнями ткачей, что приводило к легкости связей между ними. На это указывают многочисленные непристойные надписи, обнаруженные археологами на стенах спален. По содержанию эти надписи не отличаются от надписей, оставленных посетителями на стенах лупанаров (CIL, IV, 1503; 1510; 8380; 8381; 8384).

Появление текстрин, в которых трудились совместно пряжи и ткачи, привело, таким образом, к коренному изменению моральной окраски представлений о прядении и ткачестве. Складывается убеждение, что там, где ткацкая мастерская, где ткачи и пряжи, — там непристойность, открытое сожителство, моральная нечистоплотность. Исчезает ореол патриархальности и староримской консервативной нравственности, окружавший некогда домашнее шерстоткачество.

В заключение — еще об одной характерной черте быта работников ткацких мастерских, без которой представление о положении их в римском обществе было бы неполным. Все-таки, почему же именно к ткачам и пряжам сложилось столь негативное отношение? Ведь смешанные коллективы существовали и в других отраслях производства, а цинизм и распутство в эту пору составляли атмосферу жизни не одних ткачей и пряж. В таком поведении при случае обвинялись представители всех групп древнеримского общества, однако это не создавало вокруг них общей атмосферы презрения.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на довольно большое количество надписей, дошедших из текстрин, среди них полностью отсутствуют надписи, связанные с предвыборной борьбой за городские магистратуры, — как от отдельных работников, так и от коллегии ткачей, — в то время как ремесленники других профессий и коллегами, и поодиночке в многочисленных надписях рекомендуют кандидатов на городские магистратуры. Встречается немало рекомендаций от отдельных женщин и даже от рабов. Ткачи же в Помпеях, хотя и были вполне грамотны, оставили надписи в основном скабрёзного содержания. Объяснить это явление фрагментарностью дошедших до нас источников нельзя, так как из других городов, в том числе из Рима, надписей, где фигурировала бы коллегия ткачей, тоже не дошло. Единственно возможный вывод состоит в том, что по крайней мере в Помпеях ткачи и тем более пряжи стояли вне политической жизни.

Политическая пассивность ткачей и отсутствие у них коллегии, а также негативно-презрительное отношение к ним в древнеримском обществе В. Меллер пытался объяснить тем, что ткачи были рабами и к тому же занимались женским ремеслом¹⁸. Сами по себе эти наблюдения

¹⁸ Moeller. The Male Weavers..., p. 566.

над положением ткачей сомнения не вызывают: моральная атмосфера, окружавшая женщин-пряж, оказывала влияние и на отношение в обществе к мужчинам-ткачам. Но ведь женская природа того или иного ремесла и даже рабское состояние сами по себе еще не служили препятствием для определенных форм участия в политической жизни муниципия. Хлебопечение первоначально также было женским занятием (Plin., NH, XVIII, 107), да и впоследствии, как показывает расчет заработной платы, коллектив хлебопечков не был чисто мужским, так же, впрочем, как и коллектив фуллонов, что, однако, не помешало им создать свои коллегии и широко рекомендовать своих кандидатов на муниципальные должности (CIL, IV, 886; 677; 813; 2966). Ювелиры в массе своей вообще были рабами, но и у них известны свои коллегии. Все эти ремесленники играли в политической жизни Помпей заметную роль.

Причину обособленности ткачей предопределила двойственность этого положения и сама структура древнеримского общества. С одной стороны, под влиянием экономического развития ткачество, как мы видели, превращается в I в. н. э. в товарную отрасль, возникают ткацкие мастерские. Именно товарное производство и было основной причиной, приведшей к разложению патриархальных доверительных связей, к изменению места и роли женщины, обрабатывавшей шерсть, и поставила на место патриархальной служанки классически эксплуатируемого раба. Под влиянием экономических факторов женщины-пряжи были включены в мужской коллектив рабов и стали рассматриваться как низшая, «грязная», непристойная часть фамилии. Но, с другой стороны, в эту пору принадлежность классического раба к фамилии является «внешней оболочкой, за которой скрывается то, что этот раб противостоит семье господина и как его собственность, и как товар и уже не участвует в общем с хозяевами производственном процессе»¹⁹. Пряжи и ткачи рассматриваются как группа фамилии, чуждая ее нормам и нравам, но в то же время они еще не вышли из-под полного и безраздельного контроля *pater familias*. Они уже оказались вне фамилии как общности с ее традиционной моралью и системой поведения, но не вышли, не выделились из нее организационно. Люди, потерявшие прочные связи с фамилией, ставшие относительно независимыми от *pater familias*, обычно образовывали в эту пору новые коллективы — прежде всего коллегии, которые пронизывают в первые века Империи всю социальную структуру. Но так как превращение шерстоткацкого производства в товарную отрасль произошло поздно и в определенном смысле не было доведено до конца, ткачи и пряжи оказались лишенными такой возможности, в отличие от многих других представителей низов. Ткачи и пряжи, другими словами, оказались вне фамилии как производственного коллектива и, следовательно, вне ее морали, а к новым ячейкам, которые обычно объединяли ремесленников, они не пришли, превратившись в отринутую обществом, презираемую группу, стоящую в какой-то мере вне общественной структуры и морали.

WOMEN IN THE TEXTILE INDUSTRY: PRODUCTION AND MORALITY

B. S. Lyapustin

The author discusses the textile industry not only as a producer of material values but also as an influence on the formation of moral standards in society. The prestige attaching to those employed in the industry depended largely on whether the work was done within the household or outside it. When the work of spinning and weaving was done at home by the women of the household, isolated from the outside world by the four walls

¹⁹ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 28.

of their domicile, it was regarded by old-fashioned Roman standards as representing the very hallmark of moral purity among women. Although in the 1st century A. D. domestic textile production was on the wane as an industry, rooted as it was in the economic traditions of the past it still existed and, as reflected in the literature, retained its high moral prestige. In the handicraft centres of the Early Empire the change-over in the textile industry to commodity production led to the appearance of specialised workshops in which the weavers were men and the spinners women. Such mixed collectives were incompatible with patriarchal attitudes and ancestral moral standards. The change in the organisation of production did in fact lead to a change in the moral significance of the industry, tearing from it the halo of patriarchy and old Roman conservative morality. In the author's opinion the negative attitude towards spinners and weavers arose from the fact that while those of them who manned the textile workshops stood, as a production collective, outside the *familia* and its traditional patterns of behaviour and morality, in another sense they had not left it, in that they remained subject to the absolute power of the *pater familias*. This made it impossible to create a new community — a *collegium* — and resulted in spinners and weavers becoming outcasts from a society which scorned them, excluded them from its institutions and deprived them of any moral standing in it.
